

Д. А. Малышев
Москва, Россия

СОБЫТИЕ И НАРРАТИВ В ТЕЛЕНОВОСТЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИКОВ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается коммуникативный аспект событийности как информационно-семиотического феномена в текстах журналистов, посвященных деятельности политиков. Для анализа взяты тексты телевизионных новостей основных российских телеканалов. В данных текстах выделяются, например, такие элементы, как усложненная композиция и точка зрения автора. Это, с одной стороны, доказывает субъективный и персуазивный характер телевизионных новостей, а с другой — иллюстрирует специфику нарратива в политической журналистике. Нам также удалось доказать, что дискурсивно событийность часто проявляется в новостных текстах, в том числе телевизионных. Как часть нарратива, эти тексты обладают рядом характеристик, которые задаются группой информационных жанров на телевидении. И в первую очередь это образ автора. В новостном журналистском тексте автор, хотя и совпадает с рассказчиком дискурсивно, не обязательно с точки зрения интерпретации событий. Другими словами, журналист-новостник как рассказчик должен оставаться беспристрастным (это следует из определения самой информационной функции речи), но совокупность языковых и внеязыковых средств выразительности в тексте позволяет ему донести оценочную информацию. То есть наличие реального события как коммуникативной категории (свершившегося в действительности факта) не отменяет его вариативного и экспрессивного/субъективного представления в дискурсе, в нарративе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: событийность; нарратив; новостные тексты; телевизионные новости.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышев Дмитрий Андреевич, соискатель кафедры стилистики русского языка, факультет журналистики, МГУ им. М. В. Ломоносова; адрес: 125009, Москва, улица Моховая, д. 9, к. 204; e-mail: dmitrmalyshev@gmail.com.

Событие — одно из важнейших понятий коммуникативистики, дискурсологии, политической лингвистики. В такой сфере, как политика, события давно перестали быть случайностью — они организуются с имиджевой целью, становясь способом «перетянуть» на политика определенные положительные характеристики. Вот почему политики любят открывать новые заведения, перерезать ленточки, встречаться с известными людьми. «Ельцин при посещении войск в красном берете и военной форме отражал решимость власти бороться с оппозицией <...> Предвыборный Ельцин в свитере на КВНе отображал открытость и простоту, что является характеристикой, «работающей» на выборы, поскольку население хочет избрать того, кто может услышать об их бедах» [Почепцов 2006: 21—22]. В нашей статье событийность теленовостей будет рассматриваться в рамках перманентного электорального дискурса [Кара-Мурза 2012].

Событие как действие политика, как мероприятие (встреча с военными, посещение КВН) находит отражение в дискурсе: его обсуждают на кухнях, в кулуарах заседаний; но прежде всего о нем сообщают журналисты. Информационные ресурсы общества становятся в настоящее время определяющим фактором его развития как в научно-техническом, так и в социальном плане [Володина 2003: 10]. Именно от журналистов люди получают информацию, которая в конечном итоге призвана повлиять на их отношение к политике: результат, к которому стремится политик, выступая в массмедиа — завоевать симпатию. А конечная цель всех публичных действий политика, особенно в предвыборный период, состоит в том, чтобы убедить зрителей/слушателей отдать ему свои голоса на выборах. Теленовости, таким образом, оказываются весьма удобным каналом информирования потенциальных избирателей о преимуществах того или иного политика через связанные с ним события — **через событийность как информационно-семиотический феномен.**

Все больше исследователей склоняется к утверждению, что в современном мире электоральный процесс перманентен. Е. В. Забурдаева отмечает, что теперь профессионалы переходят на режим «непрерывной кампании» [Забурдаева 2012: 12]. Например, в России долгое время был «скользящий» график выборов: то в одном, то в другом регионе кого-нибудь обсуждали, продвигали и избирали. Это создало впечатление непрерывной электоральной активности и позволило расширить за пределы собственно кампаний представление о соответствующей коммуникации, а значит, и об электоральном дискурсе [Кара-Мурза 2012]. Для того чтобы лучше понять этот момент, подробнее остановимся сначала на событии как бытийном феномене — это то, что произошло, когда, с какой целью, каковы последствия (например, посещения президентом игры КВН). А затем обсудим также аспект коммуникативный — отражение события в журналистских текстах.

Вокруг событий формируются информационные потоки, которые принято называть *событийным дискурсом*. Отечественный дискурсолог пишет: «Всякое чрезвычайное происшествие и всякая сенсация порождают временный тематический дискурс (катастрофы, теракты, общественные потрясения, с одной стороны, и смерти, преступления, измены, экстравагантные поступки, с другой стороны), всякая большая, значимая или, как говорят, «больная» тема является основанием для периодически возобновляющегося дискурса (демократические преобразования, коррупция властей, языковая, культурная и национальная политика, проблемы образования и здравоохранения и т. д.). Специфика тематического дискурса такова, что он — как устойчивое говорение/письмо на определенную тему — реализуется, как правило, в рамках других дискурсов, носящих более универсальный характер своей тематической структуры» [Силантьев 2006: 10]. Таким образом, тематический событийный дискурс выступает как субдискурс других дискурсов.

Рассматривая освещение событий в прессе, исследователи пришли к выводу, что необходим ряд характеристик, чтобы событие привлекло внимание аудитории. Приведем их [Почепцов 2000б: 104]:

частота события — чем больше она совпадает с частотой выхода новостей, тем больше вероятность, что его заметят;

амплитуда — чтобы событие стало новостью, должен быть соответствующий уровень «накала страстей». У телевизионщиков есть довольно циничная градация важности события по количеству жертв: если погибших в результате какого-то происшествия меньше 7, это скорее относится к разряду местных новостей, и федеральные каналы вряд ли обратят на событие внимание, если больше — это уже трагедия федерального масштаба;

неоднозначность — чем событие неоднозначнее, тем больше вероятность, что оно будет замечено;

релевантность — событие должно быть актуальным с точки зрения повестки дня; подчеркнем, что событие можно «присоединить» к цепочке актуальных информационных поводов, чтобы повысить к нему интерес;

совпадение — чем более событие ожидаемо, тем скорее оно привлечет внимание. Последний критерий входит в противоречие с общепринятой точкой зрения, что эффект неожиданности создает больший интерес у аудитории. Но если события никто не ожидает, то значительно меньше шансов, что журналисты его заметят и оповестят о нем аудиторию.

В конечном счете работа политтехнологов так или иначе направлена на то, чтобы нужное событие попало в поле зрения журналистов и информация о нем оказалась в новостях. После этого событие получает «новую жизнь» в тексте.

«Событийность — это, прежде всего, нацеленность на подачу событий в их актуальности» [Демьянков 2012: 114]. Поэтому наше исследование сконцентрировано на новостных жанрах журналистики, которые предназначены для оперативного освещения актуальных событий. Рассмотрим, как событие отображается в журналистских новостях, где оно выступает в качестве самостоятельной текстовой категории.

Текстовая категория — это один признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами [Матвеева 1990: 52]. Автор, на которого мы сослались, пишет, что текстовая категория имеет знаковую природу, а «план содержания такого знака — это определенная понятийная универсалия, единый текстовый смысл (например, целостность, тема, тональность, пространство, перспекция), а план выражения — функционально ориентированная типовая композиция разноуровневых языковых средств» [Матвеева 1990: 52]. С. Г. Ильенко определяет текстовые категории как «специфические признаки речевого целого, отличающие при этом целое (текст) от других языковых явлений» [Ильенко 2003: 364]. Особенностью текстовой категории является и то, что она не ограничена уровнями

языковых единиц, ее составляющих. То есть главным признаком текстовой категории является общность семантической функции знаков, универсальный смысл, который могут обслуживать, к примеру, как лингвистические, так и экстралингвистические средства. Она признана композитивной единицей анализа, которая воплощает в себе отдельную смысловую линию текста и состоит из нескольких языковых средств (И. В. Арнольд, М. П. Брандес, И. Р. Гальперин, Е. И. Шендельс, О. И. Москальская и др.)

«Материальным элементом текстовой категории может выступать как неделимая единица языка/речи (фонема, интонация, слово, морфема, устойчивое словосочетание), так и языковая или речевая структура (предложение, высказывание, сверхфразовое единство, микротекст: заголовок, введение и др.)» [Там же]. Т. В. Матвеева подчеркивает, что «совокупность текстовых категорий, дополняющих друг друга и переплетающихся между собой, создают текст в качестве коммуникативной системы» [Матвеева 1990: 52].

В тексте событие воплощается через описание действий, ситуаций и их элементов: времени, когда это происходит, слов, которые при этом говорят, людей и вещей, которые при этом присутствуют. «Действия событийного типа связаны с понятиями „ситуация“, „процесс“, „происшествие“, „случай“, „эпизод“, „положение дел“ [Папина 2002: 135]. К средствам выражения события в тексте относится событийная лексика: «случай», «происшествие» и др.; события, связанные с военными действиями: «бой», «победа» и др.; гражданские события: «путч», «казнь», «выборы» и др.; события личного характера: «свадьба», «встреча» и др.» [Чернухина 1987: 10—11]. При этом «событие — это некое изменение исходной ситуации» [Шмид 2003: 11].

Таким образом, событийный текст — это описание изменений исходной ситуации; такое его определение положено в основу современной теории нарратива, *нарратологии*, или теории повествования, как ее еще называют [Шмид 2003: 11]. Нарратология является специализированной наукой, посвященной событийным текстам. При этом объектом ее анализа до сих пор был преимущественно беллетристический нарратив. Однако уже есть работы, посвященные журналистскому нарративу [Татару 2011; Анненкова 2012; Бозрикова 2012; Клушина 2014, 2015]. Мы считаем, что журналистика как событийный дискурс должна изучаться с помощью нарратологического аппарата.

Основы нарратологии были заложены Аристотелем в учении о «повествовании» (*mythos*) как о «подражании действию», заключающемуся в «упорядочении фактов». Нарратив, по Аристотелю, — это «повествование о том, как нечто совершает нечто». Нарратив включает в себя два основных компонента: историю с ее тематическим единством, действующими лицами, временными и пространственными границами, событийной канвой, с одной стороны, и нарративный дискурс (форму представления истории) — с другой [Кириллов 2007].

Условия, которые должны соблюдаться в нарративе:

- фактичность, реальность события — изменение исходной ситуации должно действительно произойти (недостаточно, чтобы изменение планировалось или было гипотетически возможно);
- результативность — результат события должен быть отражен в тексте;
- релевантность — изменение должно быть релевантным в рамках общей картины мира текста;
- непредсказуемость — событие должно противоречить общему мнению, быть парадоксальным;
- консеквентность — событие должно повлечь последствия в мышлении;
- необратимость — чем выше степень невозможности вернуться к исходному состоянию, тем выше событийность;
- неповторяемость — событие должно быть однократным (одним из критериев хорошей подачи новости в СМИ служит отсутствие слов «снова», «опять», «продолжаются» и т. д.) [Шмид 2003: 15].

Теория художественного нарратива выделяет три основных уровня анализа — уровень 1) действий, 2) событий, 3) сюжета как такового. Теория действий описывает семантическую акциональную сетку, которая предполагает наличие агента, действующего или претерпевающего действие; ситуации; поступка; цели, ради которой поступок совершался, а также средства. Таким образом, у события, как уже говорилось, есть свое развитие — показывая это развитие, автор и рассказывает нам историю. А. Ф. Папина отмечает: «Категория события обозначает нечто, случившееся кем-то или чем-то, называет действие, происходившее в прошлом, происходящее в данный момент, ожидаемое или возможное в будущем» [Папина 2002: 135].

Этот же принцип положен в основу журналистского нарратива. В частности, С. А. Бозрикова, рассматривая криминальный нарратив в журналистике (один из самых популярных на Западе и в России), пишет: «Ключевыми компонентами криминального нарратива являются драматическая структура композиции, художественный стиль, ярко выраженная точка зрения журналиста» [Бозрикова 2012: 21]. По этим параметрам автор противопоставляет нарративную журналистику новостной. Главным критерием их различия является, по мнению автора, определенная субъективность первого и стремление к объективности второго, которые сравниваются в том числе

через понятия «структура композиции», «языковой стиль» и «точка зрения».

Структура композиции в новостях, по С. А. Бозриковой, как правило, представляет собой структуру «перевернутой пирамиды», когда информация ранжируется по степени значимости; нарративная журналистика отличается драматургией, которая развивается по линейному принципу: от возникновения, развития — к кульминации конфликта и к его развязке, с четко очерченной сюжетной линией.

Языковой стиль. Новостная журналистика предполагает изложение краткое, четкое, точное; нарративная (например, криминальная по С. А. Бозриковой) — художественное (образное, эмоциональное).

Из последнего вытекает и степень присутствия авторской *точки зрения* в тексте: в новостном — минимальная, в нарративном тексте, например аналитическом — наоборот.

В. Е. Чернявская предлагает исследовать текст, соотнося его с некой прототипической моделью, характерной для каждого дискурса. Так, если исходить из того, что новостной дискурс стремится изобразить действительность без прикрас, то прототипическая модель новостного текста будет включать такие способы построения композиции и такие стилистические элементы, которые обеспечат «плотность референции» [Чернявская 2009: 71—82]. Другими словами, журналист стремится к максимально объективному отображению действительности. И наоборот, отклонение от прототипической модели влечет за собой использование средств, которые «сигнализируют о рассеянии референции» [Там же].

Теперь обратимся к анализу новостного нарратива с целью изучения событийности теленовостей на раннем этапе электоральной кампании. Понятие раннего старта избирательной кампании выдвинуто нами на основании положения о перманентном электоральном дискурсе [Кара-Мурза 2012] и разрабатывается подробно в диссертации.

Соотнесем критерии событийности, которые приводит В. Шмид, с примерами из новостной телевизионной журналистики. Возьмем для примера репортаж Виталия Калугина, посвященный ликвидации последствий лесных пожаров (НТВ. 30.07.2010). Приведем ниже его расшифровку с описанием сопутствующего видеоряда и дадим краткое определение основных телевизионных терминов, которые нам понадобятся для анализа.

ТЕКСТ	ВИДЕО, ЗВУК
Подводка: В Центральном и Приволжском округах сгорели 1170 домов, без крова остались 2178 человек — такие цифры сегодня сообщил Владимиру Путину глава МЧС Шойгу на совещании в Нижегородской области, этот регион в числе наиболее пострадавших, 9 человек погибли. Премьер прилетел туда утром, чтобы на месте координировать работы по оказанию помощи и разобраться, почему ситуация переросла в критическую. Репортаж нашего корреспондента Виталия Калугина.	Ведущая в кадре, на заднем плане кадры лесных пожаров.

ТЕКСТ	ВИДЕО, ЗВУК
<i>Стендап:</i> Сегодня ночью с географической карты исчезло сразу несколько населенных пунктов, и в их числе — деревня Гибловка. Она сгорела дотла. В целом по стране леса и поселки горели 21 тысячу 692 раза. И с каждым днем число увеличивается из-за аномальной жары.	Корреспондент в кадре на месте событий. Кругом дым. На заднем плане датчик температуры воздуха — 30 градусов. Корреспондент одет в рубашку с коротким рукавом.
<i>За кадром:</i> Сегодня на пепелище Верхней Вереи отправился Владимир Путин. Доехать до деревни премьер не успел. Кортеж обступили погорельцы.	Кадры сгоревшей деревни, сняты из окна автомобиля.
<i>СНХ:</i> Местная жительница: «Мы еще Вас очень просим: покажите тех людей, которые допустили это».	Женщина в домашнем халате, окруженная толпой местных жителей, обращается к Путину. Лицо изможденное, голос надывается. Путин слушает и обещает помочь.
<i>За кадром:</i> Пострадавших от пожара, разумеется, интересовал вопрос о восстановлении жилья и о выплате компенсаций.	Путин вместе с губернатором обходит пепелище. На нем рубашка с подвернутыми рукавами, галстука и пиджака нет.
<i>СНХ:</i> Владимир Путин, председатель Правительства РФ: «Первый вопрос — это восстановление домов. И еще раз хочу сказать: по средней стоимости одного квадратного метра. И второе: по поводу утраты имущества». Местная жительница: «Конечно, у нас же ничего вообще не осталось». Владимир Путин: «Я понимаю. По закону положена небольшая сумма, всего 50 тысяч на семью». Местная жительница: «Что такое 50 тысяч на семью?» Владимир Путин: «Согласен. Поэтому мы сделаем по-другому. Имея в виду масштаб того, что произошло. Значит, мы сделаем так: не 50 тысяч на семью, а 100 тысяч на человека». Местная жительница: «Вот это другой разговор, это уже серьезно!» Владимир Путин: «Секундочку. Это будет только из федерального бюджета. И еще 100 тысяч на человека из областного». Местная жительница: «Вот это уже разговор серьезный. Мы очень Вам благодарны, если это все так получится». Владимир Путин: «Получится».	Путин обращается к местным жителям. Они его перебивают. Он успокаивает, даже берет женщину за руку и перечисляет компенсации, которые получают местные жители, загибая пальцы.
<i>За кадром:</i> Верхнюю Верею Путин осматривал недолго, там ничто не уцелело, кругом пепел и зола. Совещание по ситуации с пожарами запланировали в здании местной администрации. У входа, узнав о визите премьера, уже ждал народ. У людей сгорело все: постройки, вещи, скотина. У многих не осталось даже паспорта.	Путин обходит пепелище. У входа в администрацию его опять окружают люди. Съемка сверху — народу очень много.
<i>СНХ:</i> Местный житель: «Из этих головешек ничего не восстановим». Владимир Путин: «Из этих головешек ничего восстанавливать не будем, будем строить новые дома».	Путин отвечает местным жителям, успокаивает.
<i>За кадром:</i> На совещании премьер отметил: пламя бушует в 14 субъектах Федерации. Его тушат, но не везде успешно. Населенные пункты выгорают дотла.	Путин на совещании с руководством местной администрации, сидит во главе стола.
<i>СНХ:</i> Владимир Путин: «Что же эти поселки-то не уберегли? Мы же с вами видели, что с Верхней Вереи стало, там все выглядит, как в фильме ужасов».	Путин обращается к чиновникам, тон меняется, взгляд «из-под бровей».
<i>СНХ:</i> Валерий Шанцев, губернатор Нижегородской области: «Специалисты рассказывают о том, что это вихрь таким образом раскручивал головешки, что они летели приблизительно на полтора-два километра».	Шанцев отвечает Путину, неуверенный тон, сильная жестикуляция.
<i>За кадром:</i> Премьер заверил, что будет лично контролировать ситуацию с пожарами, и тем, кто не справится с своими обязанностями, рекомендует сложить полномочия.	Путин на совещании с руководством местной администрации.

ТЕКСТ	ВИДЕО, ЗВУК
СНХ: Владимир Путин: «Судя по настроениям людей и исходя из этих настроений, рекомендую руководителям муниципалитетов, в отношении которых есть большие сомнения о доверии к ним со стороны граждан, сложить с себя властные полномочия, а губернаторам — создать рабочие группы и штабы во главе с одним из своих заместителей, которым поручить оперативную работу по помощи гражданам и по восстановлению утраченного жилья. Правоохранительные органы проведут тщательное расследование и дадут оценку деятельности и работе каждого должностного лица».	Путин обращается к чиновникам, но смотрит прямо в камеру.
За кадром: А за каждый уничтоженный огнем дом погорельцам будет выплачено в среднем по 3 миллиона рублей.	Путин на совещании с руководством местной администрации. Показывают Шойгу и других ответственных чиновников за выполнением распоряжений Путина.
СНХ: Владимир Путин: «Прошу здесь присутствующих руководителей не бюрократизировать решение проблем. Кто-то успел, у кого-то, как положено, оформлены все документы на сгоревшие дома, а кто-то, вот как один из мужчин, который подходил ко мне здесь, перед зданием, не успел оформить все, как положено. Ну, бывает. Не нужно, конечно, допускать, чтобы кто-то примазывался к пострадавшим, но все, кто пострадал, должны получить компенсацию».	Путин обращается к чиновникам, но смотрит прямо в камеру.
За кадром: После совещания погорельцы вновь окружили премьера и его сопровождающих. После общения с людьми Путин осмотрел временный центр размещения пострадавших от пожара. Его открыли на территории детского оздоровительного лагеря.	Путин выходит из здания и сразу попадает в толпу людей, съемки опять сверху. Рядом сидит плачущая женщина, Путин ее успокаивает. Стоят дети. Показывают крупно лицо мальчика, который смотрит в камеру.

Репортаж с места событий — это жанр журналистики, «оперативно сообщаящий о каком-либо событии, очевидцем или участником которого является корреспондент» [Телевизионная журналистика: 188—189]; элементы репортажа — это *синхроны* героев (фрагменты интервью с гостями и главными действующими лицами), *закадры*, где мы слышим голос корреспондента, «подложенный» под видеоряд, но не видим его, *стендапы* (досл. от англ. *standup* — стоя прямо) — появление корреспондента в кадре «на пленэре».

Интервью — жанр, представляющий собой разговор журналиста с социально значимой личностью по актуальным вопросам [Телевизионная журналистика: 181]; их общение происходит в студии или вне ее пределов, в зависимости от исходной ситуации, а также от задумки автора; в рамках информационных телевизионных жанров имеет смысл говорить прежде всего о фрагментах беседы, включенных в репортаж или данных отдельно в виде СНХ, синхрона (от *синхронный*: изображение и звук говорящего человека).

Заметка — краткое сообщение журналиста, в котором излагается какой-либо факт; на телевидении чаще употребляется наименование БЗ (без звука), бзззшка (от англ. *VOICE OVER*) — «картинка» без звука, комментируемая ведущим, который сидит в студии; отличительной чертой этого жанра является краткость и жесткая композиционная структура; композиция заметки соответствует хрестоматийному принципу «перевернутой пирамиды», где в первые два-три предложения вынесена самая важная информация, отвечающая на вопросы *что? кто? где? и когда? почему?* (правило «пяти W» — *Who? What? When? Where? Why?*); отличительным качеством

заметки является также ее нацеленность на краткое и максимально доступное изложение информации, что в английском языке называют *hardnews* (от англ. дословно — «жесткие новости») [George, Trimbur 2004: 15—18]; имеются в виду сообщения с «пометкой молния», когда речь идет о самых последних событиях; сведения к минимуму какая-либо аналитика или оценка происходящего автором; даются «голые» факты с минимальным художественным оформлением.

Подводка — это еще один элемент сложносоставного новостного выпуска; отвечает задачам максимально коротко и емко изложить самое главное в новости (по аналогии с газетным «лидом»); это произведение малого жанра, написанное **ведущим** (тем, кто читает подводки в эфире и который затем передает слово корреспонденту).

Проанализируем сначала вербальный текст и выявим его нарративные характеристики. Изучение невербальных средств журналистского нарратива должно стать следующим этапом анализа. Ниже мы предложим один из возможных приемов такого анализа — на примере визуальной метафоры.

С точки зрения событийности текст полностью отвечает требованиям нарратива. Рассмотрим по порядку следующие критерии.

Фактичность подчеркивается первыми же словами ведущей, которая, представляя репортаж, сразу обозначает масштаб свершившегося события: «В Центральном и Приволжском округах сгорели 1170 домов, без крова остались 2178 человек». **Цифры** в данном случае подчеркивают серьезность проблемы. Как результат, «премьер прилетел туда утром, чтобы на месте координировать работы по оказанию

помощи и разобраться, почему ситуация переросла в критическую». Результативность отражена в тексте **глаголами совершенного вида** «прилетел» и **сложноподчиненным предложением с придаточным цели** «чтобы на месте координировать работы по оказанию помощи и разобраться, почему ситуация переросла в критическую» — результат трагедии: вмешательство премьер-министра (о статусно-ролевой позиции Путина в данной истории подробнее поговорим позднее).

Релевантность подчеркивают в первую очередь слова-маркеры: **Сегодня ночью с географической карты исчезло сразу несколько населенных пунктов, и в их числе — деревня Гибловка. Она сгорела дотла. В целом по стране леса и поселки горели 21 тысячу 692 раза. И с каждым днем число увеличивается из-за аномальной жары.** Здесь, с одной стороны, наречие времени «сегодня» подчеркивает актуальность события, а с другой, обороты «в целом по стране» и «из-за установившейся аномальной жары» указывают на релевантность в рамках общенациональной проблемы лесных пожаров. Подтверждение релевантности также обнаруживаем в описании совещания Путина с чиновниками, где было отмечено, что «пламя бушует в 14 субъектах Федерации».

Неповторяемость и необратимость следуют из текста со всей очевидностью: сгоревшее имущество уже не вернуть, корреспондент подчеркнул, что «населенные пункты выгорели дотла». Отсюда следует и безусловная **консекутивность** события для тех людей, которые потеряли все, и для зрителя, сочувствующего согражданам.

Таким образом, событие (лесные пожары, и конкретнее сгоревшая деревня, в которую приехал Путин) полностью отвечает основным требованиям журналистского нарратива, выполняющего электоральную функцию, так как на фоне этого события проявляется фигура главного действующего лица — Владимира Путина. Его участие в событии отражено в собственных «синхронах» и комментариях корреспондента, чередование которых формирует **композиционно-речевую структуру текста**.

Мы можем проследить стандартную сюжетную схему нарратива — репортаж начинается с **экспозиции**, представления обстановки и персонажей: *Сегодня ночью с географической карты исчезло сразу несколько населенных пунктов, и в их числе — деревня Гибловка. Она сгорела дотла. В целом по стране леса и поселки горели 21 тысячу 692 раза. И с каждым днем число увеличивается из-за аномальной жары. Сегодня на пепелище Верхней Вереи отправился Владимир Путин. Доехать до деревни премьер не успел. Коротж обступили погорельцы.*

Завязка конфликта происходит в момент общения Путиным с местными жителями, которые всё потеряли в пожарах. Они просят премьера наказать тех, кто это допустил, засыпают его жалобами и просьбами (фактически — «челобитными»). Развитие сюжета происходит в момент общения Путина и пострадавших; не случайно реплики политика и местных жителей даны в таком порядке: 1) **жалоба** — «у нас же ничего вообще

не осталось! <...> Что такое 50 тысяч на семью?»; 2) и **реакция** Путина на жалобу — он **соглашается** помочь: «Согласен. Поэтому мы сделаем по-другому. Имея в виду масштаб того, что произошло. Значит, мы сделаем так: не 50 тысяч на семью, а 100 тысяч на человека». Кульминацией становится критика премьер-министра Путина в адрес чиновников: «Что же эти поселки-то не уберегли?» При этом ответные реплики чиновников отсутствуют, что подчеркивает доминантную статусно-ролевую позицию Путина.

Развязка же сюжета наступает, когда Путин обещает все взять под свой контроль, — это звучит в словесном комментарии корреспондента в отдельном закадре: *Премьер заверил, что будет лично контролировать ситуацию с пожарами, и тем, кто не справится с своими обязанностями, рекомендует сложить полномочия.*

Мы видим стандартную, универсальную сюжетную схему нарратива/повествования, включающую экспозицию (представление обстановки и персонажей), завязку сюжета, кульминацию, развязку, а также систему персонажей.

Система персонажей повествовательного текста впервые проанализирована В. Я. Проппом на примере русской сказки: «Как известно, В. Я. Пропп обнаружил под собственно событийным слоем русской волшебной сказки уровень, образуемый такими конструктами, как „действующие лица“ и их „функции“». Это позволило ему свести бесконечное количество мыслимых персонажей и их поступков к ограниченному числу инвариантов, разработав первый в истории механизм формализации нарративного текста» [Греймас 2004: 18].

Представление о многоуровневой структуре текста лежит в основе модели Греймаса. Вспомним эту модель: 6 актантов, главные из них — это Субъект и Объект. Остальные четыре актанта, которые выделяет Греймас, — это Получатель Объекта (им может быть как Субъект, так и другое лицо или группа лиц, на благо которых действует Субъект), Податель Объекта (передает его в распоряжение Субъекта), а также те, кто помогает и мешает в достижении Субъектом цели, — Помощник и Противник [Греймас 2000: 192]. «Повествование сводится к последовательности „ИСПЫТАНИЕ“, которая, реализуя в дискурсе актантную модель, как бы антропоморфизует значения и в силу этого предстает как цепь человеческих (или прачеловеческих) поступков. <...> Это означает, что простейшая диахроническая повествовательная последовательность, уже по определению, содержит все признаки исторической деятельности человека — необратимой, свободной, ответственной» [Там же].

При этом один персонаж, по Греймасу, может совмещать в себе несколько ролей. Так, Субъект может быть Получателем, Объект — Подателем и т. д. В любом повествовательном тексте можно увидеть все перечисленные актанты. В качестве примера рассмотрим всё тот же новостной текст журналиста Калугина.

Протагонистом, субъектом в данном тексте выступает Путин, объектом — пострадавшие от пожара местные жители. Кроме того, обнаруживают себя герои-антагонисты — чиновники, кото-

рые, по мнению Путина, допустили трагедию. Парадоксальным в этой ситуации является то, что чиновники по своему статусу и функции никак не должны быть антагонистами Путина — они его подчиненные, а значит, должны помогать бороться со стихией, быть на одной стороне. Какой вывод можно сделать из этого? Во-первых, элементы классической системы персонажей, отмечаемые в тексте, доказывают его нарративность, во-вторых, очевидно, что когда новостной репортаж используется в электоральной функции, то система персонажей под нее адаптируется.

Система персонажей, в свою очередь, влияет на композиционную структуру — в репортаже это ритмическое чередование точек зрения, представленных «синхронами» героев и комментариями корреспондента. Данное противопоставление определяет последовательные переходы от внешнего, объективного плана «реальной» истории к внутреннему плану субъектно-речевого ее представления. Переходы на субъектно-речевой план текста происходят тогда, когда «авторская точка зрения опирается на индивидуальное сознание», пишет Л. В. Татару, ссылаясь на мнение Б. А. Успенского [Татару 2011: 14], и это отражается в композиционно-речевой структуре текста.

Исследователи изучают, какие виды речи используются в тексте (прямая, косвенно, несобственно-прямая) и есть ли в текста авторская речь. «Так, например, несобственно-прямая речь позволяет высказываться и герою, и автору одновременно» [Кирия 2007: 31—35]. При этом особое внимание стоит обратить на цитаты, представляющие собой в теленовостях синхроны — прямую речь персонажей: «...вводя в словесную ткань прямые высказывания персонажей, автор тем самым использует их реплики, монологи, диалоги для речевой характеристики героев...» [Солганик 2002: 98—108].

Таким образом, можно выделить *авторский нарратив* (интерпретацию журналистом раскрываемых им тем и описываемых событий), в который «вплетены» *нарратив очевидцев* событий (свидетельства обычных людей о том, что происходит вокруг них), *нарратив экспертов* (специалистов, оценивающих сложившуюся ситуацию) и *нарратив «героев»* (о ком идет речь в сюжете): «Наиболее прозрачно и полнофункционально эта структура проступает в телевизионных материалах разных жанров (в выпусках новостей, в репортажах, в политических ток-шоу и т. п.)» [Клушина 2015].

Как и в любом нарративном произведении, ключевой в новостном репортаже является авторская позиция. Образ автора, по мнению Г. Я. Солганика, определяет способ речевой организации жанра, отбор языковых средств, стилистическую тональность и т. д. «С образом автора в репортаже, — как пишет Солганик, — тесно связано, например, использование разговорной лексики как средства оценочного, характерологического, изобразительного» [Стилистика газетных жанров: 13—15]. «Журналист делает свой текст максимально доступным, сближая его с устной речью, — пишет О. А. Лаптева, — что иногда даже приводит и к нарушению норм литературного языка, так как основная задача говорящего —

выразить определенный смысл, и в речевом потоке явственно действует принцип превалярования смысла над формой» [Лаптева 2000: 63]. «Поэтому, — как пишет Р. А. Борецкий, — и нет никакого противоречия в том, что, с одной стороны, телерепортаж отражает жизнь в формах самой жизни, то есть максимально приближен к реальной действительности, объективен по своей сути, а с другой стороны, сущностным свойством жанра становится то, что субъективное восприятие события репортером выходит на первый план» [Телевизионная журналистика: 188—189]. Это определяет выбор оценочной лексики, использование выразительных средств, а в случае необходимости корреспондент может прибегнуть и к разговорной лексике, жаргонизмам и другим словам со сниженной коннотацией.

Фактически автор проявляет свое «Я» в журналистском тексте с помощью имплицитных признаков, знаков текста, таких как средства выразительности языка (эпитеты, метафоры и т. д.), и художественных приемов, таких как композиция текста. Это позволяет ввести в текст скрытую информацию. То есть наличие реального события как коммуникативной категории (свершившегося в действительности факта) не отменяет его вариативного представления в нарративе, в дискурсе (ср. концепцию вариативной интерпретации действительности, предложенную А. Н. Барановым и П. Б. Паршиным).

Об этом же пишет Л. Н. Синельникова, описывая принципы восприятия события в условиях информационной войны: «Поскольку информационная война нуждается в событиях, любое значительное или незначительное действие может быть (по умолчанию или по ситуативной договоренности) превращено в событие политического ранга. Политический дискурс, как и любой другой, отражает и вербально обеспечивает органическую связь между текстом и контекстом. Стремление создать негативный контекст реализуется в соответствующих текстах, и между контекстом и текстом в этом случае создаются особые корреляционные отношения: негативный текст начинает принимать участие в создании негативного контекста» [Синельникова 2014: 97].

Самостоятельную нарративную функцию выполняет и «картинка» репортажа. Для анализа рассмотрим теперь изобразительный ряд того же репортажа Виталия Калугина. Рассмотрим, как работает в данном случае принцип **визуальной метафоры**.

Она является одним из средств художественной выразительности, применяемым для достижения большего эмоционального воздействия [см., например: Сарна 2005; Большакова 2008]. Она выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, напрямую отождествляемых с теми или иными объектами репрезентации. Вследствие соединения этих двух образов возникает третий — таким образом, мысль передается косвенно, через образование дополнительных смыслов [см.: Арутюнова 1990].

Когнитивный механизм действия словесной метафоры описан в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, характеризующих взаимодействие двух структур знания — когнитивной структуры

«источника» и когнитивной структуры «цели» [Лакофф, Джонсон 1990: 392] — на котором основана метафоризация. Деление на «источник» и «цель» показывает направление метафорического переноса. **Источник** — это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. **Цель** — это знание менее конкретное, которое рождается в результате механизма метафоризации. Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Лакофф, Джонсон 1990: 395].

Л. С. Большакова так описывает механизм действия визуальной метафоры: «Визуальная метафора выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков. При их монтажной состыковке друг с другом возникающий смысл трактуется уже как символ такого явления, которое напрямую может быть и не связано с каждым из представленных образов. Монтажный механизм метафоры здесь функционирует таким образом, что при одновременной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план (то, что имплицитруется продуцентом), т. е. новая художественная реальность» [Большакова 2008: 18—19].

Из представленного описания видно, что в создании визуальной метафоры ключевую роль играет именно **монтаж**, который является важнейшим средством выразительности на телевидении. Использование монтажа позволяет сочетать самые разные зрительные образы в едином новом образе, при этом монтаж не требует логического обоснования, как если бы шло разъяснение вербально. Зрительные образы, как уже упоминалось, наиболее эффективно воздействуют на эмоциональное восприятие человека, за счет этого достигается практически моментальное перемещение в сознании зрителя от одного образа к другому, что часто используется в таких телевизионных жанрах, как музыкальные видеоклипы, где необходимо быстро (насколько позволяет хронометраж песни — обычно 2—3 минуты) донести до зрителя целую историю отношений, любви, дружбы и т. д. В теленовостях автор-журналист ограничен практически такими же временными рамками: длительность репортажа как раз составляет 2—3 минуты (как у видеоклипа), поэтому телевизионные журналисты активно используют принцип визуальной метафоры, чтобы заложить в свой материал дополнительные смыслы за счет «взаимодействия иконической знаковой системы с другими системами, прежде всего вербальной семиотической системой» [Большакова 2008: 18].

Образом-источником в данном случае является картина лесных пожаров, которая создает эмоциональный образ хаоса, горя: он задается с первых же секунд кадрами лесных пожаров, являющихся фоном для подводки ведущей. Дым — прямая ассоциация с хаосом, разрухой, пепелищем. Но тут появляются новые образы — Путин в рубашке с коротким рукавом, обходящий пепе-

лище и общающийся с местными жителями. При этом он окружен ими, между ними нет никакой дистанции, он берет за руку и успокаивает тех, кто все потерял. Отдельно необходимо отметить монтажную склейку двух планов: Путин, окруженный людьми, и план сверху, где видно массовость, толпу, пришедшую на встречу с Путиным.

Из этого нового ряда документальных, событийных образов в сочетании с образами природной трагедии и разрухи появляется новый образ-цель визуальной метафоры: образ Путина как «добротного царя», который лично помогает простому народу, пострадавшему от стихии, и справедливо наказывает нерадивых чиновников.

Образ-источник составляет в данном случае план выражения метафорической конструкции, а цель — план содержания. Основание сравнения складывается из семантических признаков «хаос», «горе», «разруха». Такие признаки в метафоре называются интегральными. Что же касается дифференциальных признаков, то они в данном случае сводятся к оппозиции «пострадавшие люди и Путин, готовый им помочь» и «нерадивые чиновники, которые допустили эту трагедию». В метафорическом/тропеистическом образе имеется много наглядного, визуально воспринимаемого: дым, пепелище, засученные рукава рубашки Путина, а в теме — нечто абстрактное, чувственно не воспринимаемое: взаимопомощь, справедливость, надежда.

Именно метафорический способ постижения мира, по мнению большинства исследователей, имеет всеобщий и обязательный характер, «поэтому метафора может быть рассмотрена как один из фундаментальных когнитивных механизмов человеческого сознания. Таким образом, одним из самых востребованных инструментов анализа текста, в том числе креолизованного, неким ключом к интерпретации как вербальной, так и невербальной информации становится когнитивная метафора» [Ворошилова 2013: 109].

При этом невербальная информация доносится посредством и третьего компонента телевизионной триады — звука. И на нашем примере это хорошо заметно: женщина в домашнем халате, окруженная толпой местных жителей, обращается к Путину; лицо изможденное, голос надтреснутый. По контрасту с этими особенностями голоса женщины, который говорит нам о ее отчаянии, звучит голос Путина, спокойный и уверенный. Местные жители постоянно сбиваются, перебивают Путина, он же говорит четко и аргументированно, даже подкрепляя свои аргументы характерным жестом загибания пальцев. Тут мы видим, как коррелируют интонации с жестами политика, создавая единый образ.

С этим контрастирует общение Путина с чиновниками: его тон меняется, взгляд «из-под бровей». Путин жестко отчитывает тех, кто, по его мнению, допустил эту трагедию. И опять мы имеем дело с контрастным противопоставлением тона речи Путина с местными жителями и чиновниками. Прослеживается тенденция с частоту употреблению этого приема журналистом. Отсюда напрашивается вывод, что **контрастность** звукопередачи является средством художественной выразительности в новостных телевизионных материалах, работает по

тому же принципу, что и визуальная метафора: при монтаже сочетаются несочетаемые, на первый взгляд, образы. Но именно благодаря такому контрасту рождается новый образ, который и является целью журналиста.

Сравним результаты нашего анализа с критериями, которые приводят другие исследователи журналистского нарратива [Бозрикова 2012; Чернявская 2009]. Мы видим, что нарративные признаки просматриваются в новостной журналистике и, в частности, в таком жанре теленовостей, как репортаж. Композиция в репортаже усложняется по сравнению с телевизионной заметкой и несет определенную нарративную нагрузку. Во многом композиция отражает точку зрения автора, которая в репортаже, в отличие от короткой информационной заметки, вычитывается из построения сюжета и расстановки элементов репортажа. В нашем примере композиция репортажа Виталия Калугина работает на создание образа Путина как «доброго царя»: премьер-министр лично помогает простому народу, пострадавшему от стихии, и справедливо наказывает нерадивых чиновников.

Подходы Бозриковой и Чернявской скорее применимы к отдельным жанрам программы новостей как макротекста, как формата, таким как новостная заметка, которая действительно характеризуется композицией «перевернутой пирамиды» и максимально кратким, четким и точным изложением фактов. Однако, рассматривая выпуск телевизионных новостей как макротекст с множеством текстов внутри, мы замечаем, что телевизионные новости — это сложная дискурсивная структура, которая в рамках одного выпуска состоит из нескольких текстов разных жанров. Выпуски новостей часто бывают объединены одной темой, одним событием. Например, если происходит какое-то чрезвычайное происшествие, события постоянно развиваются; тогда, скорее всего (согласно журналистской логике), каждый новый выпуск новостей будет начинаться с новых подробностей произошедшего и дополняться уже известными деталями для тех, кто «упустил нить».

Информирование по определению есть объективное и актуальное освещение событий в СМИ. Тем не менее событийность по своей сути представляет собой сложный коммуникативный и дискурсивный феномен, основа которого — темпоральная структура события. Этот признак определяет нарратив как основу дискурсивного проявления событийности. А на самом деле его сущность — не столько время и хронология, сколько структурирование события и вид.

Дискурсивно событийность часто проявляется в новостных текстах, в том числе телевизионных. Как часть нарратива, эти тексты обладают рядом характеристик, которые задаются группой информационных жанров на телевидении. И в первую очередь это образ автора. В новостном журналистском тексте автор хотя и совпадает с рассказчиком дискурсивно, не обязательно — с точки зрения интерпретации событий. Другими словами, журналист-новостник как рассказчик должен оставаться беспристрастным (это следует из определения самой информационной функ-

ции речи), но совокупность языковых и внеязыковых средств выразительности в тексте позволяет ему донести оценочную информацию. То есть наличие реального события как коммуникативной категории (свершившегося в действительности факта) не отменяет его вариативного и экспрессивного/субъективного представления в дискурсе, в нарративе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И. В. Медиадискурс как неориторическая репрезентация современной картины мира // Русский след в нарратологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Балашов, 26—28 нояб. 2012 г.). — Балашов : Николаев, 2012.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель и античная литература. — М., 1978.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1988.
4. Бозрикова С. А. Криминальный нарратив: нарративная журналистика в США и России. Актуальные проблемы науки и образования : сб. науч. ст. / под общ. ред. С. А. Ляшко. — Балашов : Николаев, 2012.
5. Володина М. Н. Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 9—32.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
7. Демьянков В. З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Изд-во Моск. ун-та : Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 77—120.
8. Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. — СПб., 2003.
9. Кара-Мурза Е. С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Изд-во Моск. ун-та : Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 797—855.
10. Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филол. науки. 1987. № 2.
11. Кожина М. Н. Текст и его категориальные свойства. — Киев, 1989.
12. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. — М., 2013.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство — СПб., 1998. — С. 14—285.
14. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск, 1990.
15. Москальская О. И. — Грамматика текста. — М., 1981.
16. Негрышев А. А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры // Язык и дискурс СМИ в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. — М., 2011. С. 85—97.
17. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учеб. для студентов — журналистов и филологов. — М. : Едиториал УРСС, 2002.
18. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000а.
19. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000б.
20. Русский след в нарратологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Балашов, 26—28 нояб. 2012 г.). — Балашов : Николаев, 2012.
21. Сидоров Е. В. Основы системной концепции текста : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1986.
22. Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсивных смещений. — 2006.
23. Татару Л. В. Нарратив и культурный контекст. — М. : Ленанд, 2011б.
24. Тмарченко Н. Д. Событие сюжетное // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. — М., 2008. С. 239—240.
25. Термины и понятия: методы исследования и анализа текста : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2011.

26. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М., 1986.
 27. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. — Тверь, 2001.
 28. Успенский Б. А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. — М., 1995.

29. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста: Лирика. — Воронеж, 1987.
 30. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М., 2009.

D. A. Malyshev
 Moscow, Russia

EVENT AND NARRATIVE IN TV-NEWS DEDICATED TO POLITICIANS' ACTIVITIES

ABSTRACT. The article is devoted to the communicative aspect of events as information and semiotic phenomenon in journalists texts dedicated to politicians' activities. TV news texts from the major Russian TV channels are taken for analysis. For example, such elements of narrative journalism as complicated composition and point of view of the author are distinguished in these texts. On the one hand, this fact proves a subjective and persuasive nature of TV news, and on the other — illustrates the specificity of narrative in political journalism. The author also argues that that discursive eventfulness is often manifested in news texts, including television. As part of the narrative, these texts have a number of characteristics that are set by the group of information genres on television. And first and foremost it is the image of the author. In journalist news texts, the author coincides with the narrator discursively, but it is not necessarily so in terms of interpretation of events. In other words, the journalist as the narrator must remain impartial (this follows from the definition of the informative function of the text), but linguistic and extra-linguistic means of expression in the text allow him to convey evaluative information. So the existence of a real event as a communicative category (a fact of reality) does not deprive it of its subjective representation in the text.

KEYWORDS: events; narrative; TV-news; news texts.

ABOUT THE AUTHOR: Malyshev Dmitriy Andreevich, Post-graduate Student of Department of Stylistics of the Russian Language, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.

REFERENCES

- Annenkova I. V. Mediadiskurs kak neoritoricheskaya reprezentatsiya sovremennoy krtiny mira // Russkiy sled v narratologii : mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Balashov, 26—28 noyab. 2012 g.). — Balashov : Nikolaev, 2012.
- Aristotel'. Poetika // Aristotel' i antichnaya literatura. — М., 1978.
- Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka. Sobytie. Fakt. — М.: Nauka, 1988.
- Bozrikova S. A. Kriminal'nyy narrativ: narrativnaya zhurnalistika v SSHa i Rossii. Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya : sb. nauch. st. / pod obshch. red. S. A. Lyashko. — Balashov : Nikolaev, 2012.
- Volodina M. N. Yazyk SMI — osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie. — М.: Izd-vo MGU, 2003. S. 9—32.
- Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — М., 1981.
- Dem'yankov V. Z. Issledovanie teksta i diskursa SMI metodami kontrastivnoy politologicheskoy lingvistiki // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta : Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 77—120.
- Il'enko S. G. Rusistika. Izbrannye trudy. — SPb., 2003.
- Kara-Murza E. S. Lingvisticheskie pokazateli rechevykh prestupleniy v politike // Yazyk SMI i politika / pod red. G. Ya. Solganika. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta : Fak. zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2012. S. 797—855.
- Kozhina M. N. O funktsional'nykh semantiko-stilisticheskikh kategoriakh teksta // Filol. nauki. 1987. № 2.
- Kozhina M. N. Tekst i ego kategorial'nye svoystva. — Kiev, 1989.
- Kupina N. A., Matveeva T. V. Stilistika sovremennoogo russkogo yazyka. — М., 2013.
- Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // Ob iskusstve / Yu. M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo — SPB, 1998. — S. 14—285.
- Matveeva T. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovyykh kategoriy. — Sverdlovsk, 1990.
- Moskal'skaya O. I. — Grammatika teksta. — М., 1981.
- Negryshev A. A. Novosti v presse: k modelirovaniyu makrotekstovoy struktury // Yazyk i diskurs SMI v KhKhI veke / pod red. M. N. Volodinoy. — М., 2011. S. 85—97.
- Papina A. F. Tekst: ego edinit'sya i global'nye kategorii : ucheb. dlya studentov — zhurnalistov i filologov. — М.: Editorial URSS, 2002.
- Pochepstov G. G. Imidzhologiya. — М.: Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000a.
- Pochepstov G. G. Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka. — М.: Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2000b.
- Russkiy sled v narratologii : mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Balashov, 26—28 noyab. 2012 g.). — Balashov : Nikolaev, 2012.
- Sidorov E. V. Osnovy sistemnoy kontseptsii teksta : dis. ... d-ra filol. nauk. — М., 1986.
- Silant'ev I. V. Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy. — 2006.
- Tataru L. V. Narrativ i kul'turnyy kontekst. — М.: Lenand, 2011b.
- Tamarchenko N. D. Sobytie syuzhetnoe // Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy. — М., 2008. S. 239—240.
- Terminy i ponyatiya: metody issledovaniya i analiza teksta : slovar'-spravochnik / T. V. Zhrebilo. — Nazran' : Pilgrim, 2011.
- Turaeva Z. Ya. Lingvistika teksta. — М., 1986.
- Tyupa V. I. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa. — Tver', 2001.
- Uspenskiy B. A. Poetika kompozitsii // Semiotika iskusstva. М., 1995.
- Chernukhina I. Ya. Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta: Lirika. Voronezh, 1987.
- Chernyavskaya V. E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. — М., 2009.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. С. Кара-Мурза.